

Короче! Я из Сочи

Владимир Гакштетер

том 1

16+

Владимир Гакштетер
Короче! Я из Сочи. Том 1

«Издательство «Союз писателей»

2017

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Гакштетер В. Г.

Короче! Я из Сочи. Том 1 / В. Г. Гакштетер — «Издательство
«Союз писателей», 2017

ISBN 978-5-00073-670-8

В этом славном городе жили и по сей день живут мои герои. Вы можете им завидовать, ведь они обитают почти в раю. Где, как не в этом городе, жить, рожать и воспитывать детей. Но местные не считают, что им живётся легче, чем в других городах, как раз наоборот. Сочи – город-праздник, а все мы, конечно, любим праздники. Идти на работу, решать свои непростые дела в праздник кому захочется? А проблемы всё те же, как и у всех, – ежедневные заботы, минуты радости, счастья, и годы ожидания этого самого счастья. Все мои герои – просто люди, которые жили здесь ещё задолго до моего рождения, но я много о них знаю и потому пишу о них. Другие пришли в этот мир вместе со мной, и я лично встречался и слышал их истории. Они и их потомки живы и сейчас, и дай им Бог здоровья и многих лет!

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-670-8

© Гакштетер В. Г., 2017
© «Издательство «Союз
писателей», 2017

Содержание

Сочи	6
Георгий, он же Жора, он же Гарик	8
Детство, которого не было	9
Война	11
Дальний путь	13
Путешествие по Кубани	16
Конец пути	18
Буханочки	19
Наши	20
Пришила	21
Фамильная история	22
Короче! Я из Сочи	24
Часть первая	25
Барак	25
«Копейка»	25
Вера	26
Хирург	29
Соня	31
Шурка	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Гакштетер

Короче! Я из Сочи. Том 1

© Гакштетер В. Г., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

* * *

Сочи

Просыпается город, рассветы встречает,
Над рекою платаны ветвями шумят.
Я люблю, когда Сочи весна одевает
В свой красивый, зелёный, поющий наряд.

Просыпаются море и сосны хмельные,
Просыпаются птицы в ветвях под окном,
Просыпается всё. И как будто впервые
Вижу город любимый, умытый дождём.

На проспекте девчонка в коротенькой юбке.
Словно ёлочка в парке – весне в унисон,
Так играет улыбка на розовых губках,
Что не верится просто, что это не сон!

Я люблю тебя, Сочи! В аллеях тенистых
Я мечтаю с тобой прогулять до зари,
Слушать крик воробьёв и щеглов голосистых,
Позабыв обо всём, кроме этой любви!

Есть на земле прекрасный город, который вот уже много лет процветает на берегу моря. Он небольшой и растянут узкой полосой на многие километры по всему побережью. Тёплое море (а летом просто горячее), субтропики с их безумно красивой растительностью... Понятное дело, здесь нет заводов, фабрик, нет дыма, пыли и грязи, обязательно сопровождающих любое производство. Парки, скверы, улицы, дома, проспекты – всё в зелени.

В непосредственной близости от моря – огромное количество санаториев, пансионатов, гостиниц, на любой вкус и кошелёк. И всё же главное достояние города – это море и, конечно же, пляжи. Здесь нет песка! Кто скажет, что любит песчаные пляжи, тот ничего не понимает в отдыхе. Лежать на песке, а затем идти в душ и вымывать его из плавок, из всех складочек тела, волос... А вдруг ещё ветерок подует песочком в глаза. Ах, какой «кайф»! В портмоне, в дамской сумочке, среди «зелёных» (долларов), платёжных карточек и носовых платков – всё тот же везде проникающий песок. Нет, уважаемые! Пляж должен быть галечный. Галька, мелкая и чуть покрупнее, но вся нежная, чистая, гладенькая, как будто специально обкатанная для того чтобы тот, кто будет ходить по ней, остался доволен. Походи по гальке – и не надо идти к массажисту.

Каждое лето миллионы людей мчатся на машинах, трясутся в поездах, летят в самолётах – все они хотят к морю, мечтают о нём холодными зимними ночами где-нибудь в своей Сибири. И город ждёт, рад их приезду и готов сделать для них всё, что они пожелают...

В этом славном городе жили и по сей день живут мои герои. Вы можете им завидовать, ведь они обитают почти в раю. Где, как не в этом городе, жить,

рожать и воспитывать детей. Но местные не считают, что им живётся легче, чем в других городах, как раз наоборот. Сочи – город-праздник, а все мы, конечно, любим праздники. Идти на работу, решать свои непростые дела в праздник кому захочется? А проблемы всё те же, как и у всех, – ежедневные заботы, минуты радости, счастья, и годы ожидания этого самого счастья.

Все мои герои – просто люди, которые жили здесь ещё задолго до моего рождения, но я много о них знаю и потому пишу о них. Другие пришли в этот мир вместе со мной, и я лично встречался и слышал их истории. Они и их потомки живы и сейчас, и дай им Бог здоровья и многих лет!

Владимир Гакштетер

Георгий, он же Жора, он же Гарик

И вот теперь, оглядываясь назад, я беру на себя смелость заявить, что прошлые, трудные годы прошли не зря. Всю мою жизнь я старался жить честно и поэтому сегодня мне не стыдно смотреть людям в глаза!

Георгий

Предисловие

Четырнадцатилетний мальчик бежал вдоль дороги, а когда самолёт, сделав очередной разворот, приближался к нему, падал в канаву, прямо в воду, и лежал там, закрыв глаза и чувствуя, как пули ударяются о землю рядом. Фашист наслаждался этой погоней, совершая разворот за разворотом, а мальчишка опять вставал, пробежал десять метров – и падал. Казалось, этому ужасному соревнованию с огромной машиной и сидящим в ней лётчиком не будет конца, но всё-таки парнишка добежал до камышей. Кинулся в спасительные заросли, сильно ударившись обо что-то коленкой, да так, что на несколько секунд потерял сознание. Он даже не заметил, как бросил вещмешок со своим драгоценным грузом, и теперь лётчик, потерявший живую мишень, принялся за вещмешок, который красным пятном выделялся на дороге: при очередном заходе очередью буквально изрешетил его. Затем фашист покружил недолго над местом своих «боевых» действий и улетел дальше вдоль дороги...

Понятное дело, что на войне сердца черствеют, люди ожесточаются и совершают порой чересчур жестокие поступки, но неужели у этого немца, который сидел в кабине самолета и нажимал на гашетку, не было детей, братьев, маленьких немцев, таких же милых и хороших, как и маленьких русских, которые живут в нашем понимании, в наших сердцах отдельно от событий, жизненных ситуаций, войны.

Разве убийство ребёнка может занять достойное место среди подвигов солдата?

Детство, которого не было

Жора родился 20 мая 1927 года в городе Армавире. Папа Владимир и мама Мария, а также старшая сестрёнка Александра временно снимали жильё на улице Лермонтовской, а затем получили большую квартиру на Пушкинской. Отец работал главным инженером на мельнице, которая считалась одним из важнейших предприятий города, мама была учительницей начальных классов в школе, а Шурочке исполнилось шестнадцать лет. Семья жила вполне счастливо. Глава семьи, опытный инженер, увлекался радиотехникой, сам собирал приёмники, передатчики. В то время телевидения ещё не существовало, и огромное количество людей общалось через радиоэфир. Днём и ночью радиолюбители Страны Советов обеспечивали надёжную радиосвязь между городами, с кораблями, находящимися в плавании, экспедициями... Немало часов провёл с наушниками на голове и отец Георгия.

Но счастливая жизнь внезапно закончилась. Через три года после рождения Гарика – так в семье называли Георгия – Шурочка летом отдыхала в пионерском лагере на Чёрном море и вернулась оттуда заболевшей. Брюшной тиф – страшная и очень заразная болезнь – выкашивал целые семьи. Так произошло и с семьёй Георгия. Первой умерла Шурочка, за ней папа, и последней умерла мама. Сестра матери Зина смогла уберечь Гарика, забрав его к себе задолго до смерти родителей. Она же хотела оформить опеку над мальчиком, но неожиданно вмешалась подруга мамы, обвинившая тётю Зину в религиозности.

Ещё совсем маленький, трёхлетний мальчишка, как цветочек, вырванный из земли, с оторванными напрочь корнями, в один день стал сиротой-детдомовцем, оказавшись в детском доме имени Семнадцатого партсъезда, где и прожил до восьми лет. А затем был детский дом «КВЖД». Он считался особенным, потому что дети, находящиеся в нём, были вывезены из-за границы, из Манчжурии. Это были дети разных национальностей: китайцы, монголы, корейцы, вьетконговцы, беспризорники Шанхая, Харбина.

Подошло время, и Жора пошёл в школу. Учёба велась на трёх языках: русском, немецком и английском. В этом детском доме мальчик, по стечению обстоятельств, попал в группу ребят, которые были более активными, чем другие, хулиганили, задирались с другими воспитанниками, нередко с помощью кулаков защищали себя и своих друзей. В результате его и ещё нескольких таких же трудных ребят отправили в детскую трудовую колонию, находящуюся на хуторе Банатовка Отраденского района Краснодарского края. Это была в прошлом очень богатая помещичья усадьба, имеющая своё производство по переработке конопли, паровой двигатель, электростанцию. В хозяйстве имелись лошади, коровы, свиньи, овцы. Хутор располагался между двух оврагов, которые сходились между собой, образуя озеро с плотиной в нижней части. Дети в жаркое время купались в этом озере, очень сильно заилённом отходами соседнего заводика, перерабатывающего коноплю, и потому, купаясь, вымазывались мулякой (илом) от пяток до затылка.

Однажды в озере решил искупаться какой-то большой начальник, приехавший в командировку. Он был большим во всех смыслах этого слова: Жора с другом, решив примерить на себя его брюки, уместились каждый в отдельной штанине. Влезть-то они влезли, а вот выбраться обратно быстро не успели. Под истошный рёв хозяина брюк и хохот окружающих мальчишки были отправлены в карцер, в качестве которого приспособили обычную комнату, да ещё и с разбитым стеклом в окне. Этим Жора и воспользовался. Протянув руку в отверстие, он вытащил один гвоздь, выставил стекло и вылез в окно на улицу. Как раз в это время грузили обоз с товаром, вот мальчишка тайно и забрался между тюками волокна и на следующее утро был уже в Отрадной, где его сразу задержали и определили в вагон-приёмник.

В приёмнике Жору повозили по краю, почему-то миновав Армавир. Жил он в Пашковском детдоме, а затем был детдом станицы Красноармейской. Уже оттуда его перевели для

дальнейшего трудового воспитания в рыбколхоз имени Первого мая, где председательствовал Игнатенко – в будущем командир партизанского отряда.

Война

Но тут началась война, и жизнь резко изменилась. Жора был определён в шестую бригаду прибрежного лова, которая находилась совсем рядом с рыбзаводом «Ачуевский». В бригаде он находился на полном обеспечении, получал паёк – полбулки хлеба, которого вполне хватало. Кухарка готовила для всей бригады, а людей в бригаде насчитывалось около тридцати человек. Жили все в двух комнатах с отдельными прихожими. В женской половине находились 10–12 человек, а остальное место занимали взрослые мужчины и три семейные пары. Рыбакам выдавали спецкостюмы из бязи и бахилы – парусиновые сапоги. Всё это варилось в рыбьем жире, чтобы ткань не пропускала воду.

Через речку от рыбзавода была станция МРС и хранились горюче-смазочные материалы. Уже в начале 1942 года эту станцию начали бомбить. А ещё перед новым 1942 годом на лёд Азовского моря совершил вынужденную посадку самолёт ТБ-3. Лёд ещё был тонкий, и колёса, конечно, сразу провалились под воду, самолёт скапотировал и погнул винты, но в остальном был исправен. Бригада разбирала рыбацкие постройки, все таскали брёвна, укладывали настил, чтобы самолёт смог взлететь. Делать это нужно было срочно, потому что немцы могли обнаружить и уничтожить самолёт. Никто на юный возраст не обращал внимания, и работать мальчишкам приходилось наравне со взрослыми. Самолёт тогда спасли.

Примерно в мае им пришлось покинуть уже изрядно разбомбленный Ачуев. Немцы наступали, и бригада вместе с оставшимся населением Ачуева на двух баркасах и катере переехала в станицу Гривенскую. Правление колхоза находилось в посёлке Плавни. Почти вся Кубань уже была оккупирована фашистами. Но Жору не бросили, а определили на жительство к кухарке бригады тётке Паше. У неё было трое детей, сын Гришка работал с Жорой в бригаде, а две дочки жили в станице, куда все и переехали. В станице было всего несколько человек немцев, они никого не трогали, и их как будто никто не замечал. Однажды рано утром вдруг раздались взрыв и выстрелы, все притихли в своих хатах. Позднее выяснилось, что две тачанки с пулеметами потихоньку подъехали к правлению, обстреляли, убили находившихся там немцев и умчались. Поговаривали, что это партизаны Игнатенко не дают житья фашистам. И через месяц после этого случая приехали немцы, несколько машин и подвод, и стали налаживать переправу. Раньше в этом месте ходил паром – две лодки с настилом из досок. Через реку перетягивали трос, по нему паром и передвигался. Как раз в это время утром тётка Паша позвала Жору в дом и говорит: «Жора! У нас закончились продукты, нет муки. Ты бы сходил в Николаевку. Подойдёшь к первой хате и спросишь Лягушку, так зовут живущую там бабульку». Ему, как старшему, пришлось согласиться.

До Николаевки было 10–12 километров. Жора вышел ещё на рассвете. В сумку тётка Паша положила связку рыба, два балычка и ещё что-то по мелочи. «Это, – сказала она, – у Лягушки обменяешь на пшеницу, муку, картошку». Когда мальчик пришел в Николаевку, уже всюду занимался день. Заметил много всадников. Спросил, где живёт Лягушка, и ему показали хату около кургана. Лягушкой оказалась старуха, горбатая, головой и лицом в точности похожая на лягушку. Она сказала, чтобы мальчик дождался темноты и уходил, но затем разрешила остаться до утра, потому что ночью он мог легко заблудиться. После этого старуха куда-то ушла, но скоро вернулась и приказала, чтобы Жора уходил немедленно. Оказалось, что в кургане, который располагался рядом с её домом, незадолго до прихода немцев спрятали колхозное зерно, пшеницу, кукурузу. Старуха прокопала подземный ход в курган и потихоньку брала зерно, которое раздавала по селу. Но, видно, кто-то донёс, и когда она в последний раз полезла в курган, её выследил постоялец-румын. Он вызвал солдат, которые как раз в это время грузили мешки с зерном в машину. «Скорее уходи, пока они тебя не заметили, им не до тебя сейчас,

меня они, может, не тронут, а вместе с тобой могут и расстрелять», – сказала старуха, и Жора не стал себя долго упрашивать.

В Гривенскую он пришел под утро. Тётя Паша уже беспокоилась. Немцы в станице искали мальчишку. Оказывается, днём был взорван паром. Как рассказала тётя Паша, когда паром был посередине реки, из камыша на большой скорости выскочила маленькая лодка, ею управлял мальчишка, такой же по возрасту, как Жора. Парнишка и взорвал паром, прыгнув с лодки в воду в последний момент. Тётя Паша сказала, что Жоре надо уходить, потому что он не является её родственником, а немцы разбираться не будут, достанется и ей, и её детям.

И вот Жора, оставив тёплый дом, добрых людей, к которым уже успел привыкнуть, без каких-либо документов отправился в дальний путь: в Армавир, где жила тётя Зина – родная сестра его мамы.

Дальний путь

За Николаевкой, примерно через полдня пути, начинался Старостеблиевский шлях. Представьте себе: ровная, как стрела, дорога с насыпью около метра и глубокие кюветы с обеих сторон. На километры – ни души, ни попутчиков, ни встречных, а вокруг огромной стеной стоят камыши. Две ночи он ночевал, сидя на краю кювета, выбрав место посуше.

Заканчивался второй день путешествия. Усталый Жора медленно брел по обочине дороги, когда из облаков совсем близко от него вынырнул самолёт. Он летел вдоль дороги очень низко, так низко, что почти касался крылом камышей. Мальчик намерение лётчика почему-то понял сразу, бросил свой вещевой мешок, пробежал метров десять в сторону камышей и бухнулся в канаву, прямо в воду. Самолет кружил над ним, и каждый раз он, пробежав совсем немного и падая в канаву, слышал гулкий звук, как по барабану: бу-бу-бу. Самолёт пролетал, а Жора ещё сильнее прижимался к земле, затем вскакивал и, пробежав немного, опять падал. Наконец он добрался до камышей, бросился в них и при этом больно ударился коленкой обо что-то, да так больно, что на несколько секунд потерял сознание. Лётчик, видно, от скуки решил пострелять по мальчишке, а когда потерял живую мишень, отыгрался на вещмешке, сделанном из чехла матраса с полосками белого и красного цвета, – отличная мишень для фашиста. Самолёт полетел дальше, а Жора попытался подняться. Очень сильно болела коленка, он ощупал её и предмет, о который ударился. Это оказался немецкий «шмайсер». Автомат был чистый, совершенно сухой, и в голове Жоры вдруг разыгрался мальчишеский безрассудный азарт. Он взял в руки автомат. До войны ему, как и многим другим мальчишкам в то время, много раз приходилось стрелять на стрельбищах из винтовки.

Пролетев несколько километров, самолёт развернулся и снова летел над дорогой и камышами. Жора вдруг вспомнил, как они с мальчишками играли в войну, как он стрелял из деревянного ружья по фашистам. Это было так просто и совсем не страшно, даже весело. И сейчас ему казалось, что у него в руках то самое деревянное ружье, и это игра. Ненавистный фашист приближался, Жора прицелился и нажал на курок. Он готов был сам, как в игре, прокричать: «Бу-бу-бу», – но внезапно автомат затрясся в его руках, раздались громкие выстрелы, приклад соскочил с плеча и больно ударил в грудь. Короткой очереди было достаточно, чтобы самолёт резко взмыл в небо и исчез. Игра началась и быстро прекратилась, уступив место ужасу. Теперь Жора уже всерьёз испугался, зная, что его точно будут искать, найдут и расстреляют. Что он, мальчишка, мог сделать против фашистов, у которых в небе самолёты, а на земле много солдат с собаками? Силы оставили его, и он долго ещё неподвижно лежал в камышах. Издалека снова раздался гул самолёта. Теперь фашист не так смело летел над дорогой, держался повыше, но было ясно, что он высматривает в камышах того, кто в него стрелял. И понятно, что по радиации он уже сообщил об обстреле.

Самолёт улетел и больше не возвращался. Жора перестал трястись от страха, успокоился и стал соображать. Во-первых, нужно уничтожить оружие – и он забросил автомат так далеко, как только мог, в протоку. Во-вторых, убраться от этого места подальше. Жора встал и тут обнаружил, что коленка распухла, очень сильно болит, и поэтому быстро идти он не сможет. Убедившись, что вокруг никого нет, он подошел к вещмешку. На дороге рядом были видны следы от снарядов, а в самом мешке застряли две пули. (Эти две пули Жора будет хранить потом всю жизнь). К счастью, совсем недалеко он нашел притопленную деревянную лодку. На ней и перебрался на другой берег протоки, так же густо заросший камышом. С большим трудом он выбрался на крутой берег и оказался в поле, по краю которого росли осока и ивняк. Уже стемнело настолько, что плохо стало видно и противоположный берег, и протоку. На краю поля начиналась посадка. Там росли большие акации вперемешку с другими деревьями, и в промежутке между стволами Жора заметил небольшой шалаш. Когда до шалаша осталось мет-

ров десять, оттуда вдруг с лаем выбежал щенок-дворняжка. Жора обрадовался, что рядом есть люди, но шалаш был совершенно пуст, и лишь в углу его лежала большая тряпка, под которой, очевидно, щенок и прятался. Он бросился Жоре под ноги, скулил, повизгивал и, подпрыгивая, пытался лизнуть мальчика в лицо. Жора позволил ему это, сев на тряпку. Они познакомились и сидели в обнимку. Собаки имеют удивительное влияние на самых вредных и злых детей. Бескорыстные, надёжные существа своей искренностью и преданностью не раз доказали, что могут быть лучше любых друзей. И теперь судьба свела мальчишку и собаку – эти два одиночества в старом полусгнившем и заброшенном шалаше на краю поля и, казалось, на краю света.

Луны не было, и темнота поглотила всё вокруг. Стало страшно, а после сегодняшних событий Жору просто трясло. Неожиданно его маленький друг стал принюхиваться и лапой царапать вещмешок. Пёс учуял еду, и Жора тоже почувствовал сильный голод. Он развязал мешок, достал хлеб, отломил кусок и дал щенку, который, молниеносно проглотив кусок, нетерпеливо стал лапой тормозить Жору, требуя продолжения банкета. «Друг мой! Вы тут не один, и я тоже хочу есть», – сказал Жора и вдруг ощутил прилив такого тепла и счастья оттого, что рядом была собака. Он никогда не думал, что будет разговаривать с животным, как с человеком, и это окажется так приятно. Он дал пёсику приличный кусок рыбца, и тот, несмотря на соль, принялся грызть твёрдую рыбу, как мальчишка грызёт самую лучшую в мире конфету. Перекусил и Жора. Они почти наелись и теперь должны были хорошенько отдохнуть. Завтра будет новый день и второй день их дружбы. И через несколько минут мальчик и собака спали, прижавшись друг к другу. Из-за туч выглянула луна, и в шалаше стало светло и уютно, как в доме. Но друзья крепко спали и ничего этого не видели.

Жора видел во сне, как они с папой на стадионе запускали планер. Папа сам его сделал по чертежам из журнала. Раскрашивали планер они вместе с Жорой, и поэтому окраска была местами ровненькая и красивая – там, где красил папа, а местами неровная, бугристая – где красил Жора. Они бегали по стадиону, пытаясь поднять в небо самолётик, а он не слушался. Помог внезапный порыв ветра, и упрямый планер резко взмыл в небо и застыл там, в воздушном потоке. Жора ни за что сам не удержал бы шнур, но рядом был папа. Они вместе то отпускали шнур, и планер снижался, то натягивали его, и планер поднимался выше. Жора представлял себя лётчиком, управляющим огромной машиной, парящей высоко в небе, настолько высоко, что его самолёт с земли казался маленьким планером. Он летел под самыми облаками и смотрел сверху на землю, город и стадион, видел бегающих маленьких людишек. Затем он представил себя руководителем полётов, полковником, а может, даже и генералом, который приехал из Москвы проверить достижения лётчиков. Но вдруг самолёт-планер стал пикировать прямо на генерала-Жору, и он услышал знакомое «бу-бу-бу». Пули свистели рядом, а одна из них попала прямо в генерала. Падая, Жора видел, как к нему бежали папа, мама и Шурочка. Совсем рядом залаяла собака, потом она почему-то громко завизжала и умолкла. От боли мальчик потерял сознание.

Он не знал, что ранним утром к протоке подъехали грузовики с солдатами, которые, развернувшись цепью, пошли вдоль камышей с двух сторон протоки. С помощью огнёмёта они поджигали камыши, близко подступившие к дороге. Иногда раздавались выстрелы, фрицы не церемонились, стреляя во всё подозрительное. Один из них, увидев шалаш, свернул к посадке. Подойдя поближе, он хотел заглянуть туда, но неожиданно из шалаша выскочил щенок и с лаем набросился на немца. Собака защищала своего спящего друга. Немец, не задумываясь, выстрелил в собаку и, повернувшись к шалашу, выпустил туда длинную очередь. К счастью, Жора лежал в углублении под тряпкой, пули просвистели высоко над ним, но одна из них попала в доску. Большая щепка, отскочившая от доски, глубоко вонзилась в затылок мальчика. Жора, даже не успев проснуться, потерял сознание. Это его и спасло. Немец выругался, заглянул в шалаш и, не увидев ничего подозрительного, пошел догонять своих.

То ли проснувшись ото сна, то ли очнувшись после ранения, Жора в первые минуты ничего не мог понять. Он прекрасно помнил, где он, понимал, что планер, папа, мама и Шурочка были во сне. Там же, во сне, в него стреляли. Но откуда на голове кровь и сильная боль в затылке? Он ошупал себя и вытащил из головы щепку. Оторвав кусок тряпки, мальчик, как мог, замотал голову и, убедившись, что кровь больше не течёт, поднялся. Щенка рядом почему-то не было, и мальчик вышел из шалаша. Первое, что он увидел, – это лежащий рядом с шалашом шерстяной комочек: всё, что осталось от его друга. Жора понял: планер и его семья – это был сон, а лай собаки и свист пуль наяву. Маленький друг, только-только познакомившись с человеком, не задумываясь, отдал жизнь за него...

Жора не плакал. Дети того времени плакали не часто, но от этого их страдания были ещё сильнее. Мальчик нашел углубление в почве, положил туда уже остывающее тельце своего спасителя и палочкой, как мог, прикопал его. Ещё немного времени ушло на то, чтобы оторвать от тряпки верёвочку и сделать небольшой крест для могилки. Теперь Жора торопился, ведь немцы могли вернуться с собаками и найти его. За посадкой в протоку впадал довольно широкий чистый ручей, около которого уже были видны огороды. Метров через пятьсот начинался какой-то хутор, и Жора направился туда. Он шел по воде, чтобы собаки не могли выследить его по следам. Раньше здесь был небольшой пляж. Тёплый песок, большие камни, выложенные для костра, – всё говорило о том, что здесь людям было весело. Было!

Жора не стал заходить в первую хату, пропустил и вторую, а когда поднялся на мостки около третьего участка, его окликнул женский голос: «Мальчик! Что ты тут так рано делаешь? Немчура вокруг, кого-то ищут, стреляют. Заходи скорее во двор, не дай Бог, увидят, попадет и тебе, и мне!» Молодая женщина стояла возле изгороди и жестом звала Жору подойти. Они вошли в дом. Женщина, проворно достав из шкафа штанишки, майку и рубашку, скомандовала: «Быстро снимай всё с себя и одевайся. Сынок мой, такой же, как ты, из дома сбежал. Наверно, в партизаны подался. Колькой зовут. Так что вдруг придут немцы проверять – ты мой сынок Колька. Понял?» Жора переоделся и присел за стол. «Меня зовут Катя, – сказала хозяйка, присаживаясь рядом. – Ел-то ты когда в последний раз?» «Вчера вечером здесь недалеко в шалаше. Там ещё щенок был, его фашист застрелил утром», – ответил Жорка, и вдруг всё его мужество закончилось, и детские слёзы потекли из глаз. «Что собаку-то жалеть! Вон сколько людей сгубили враги проклятые», – воскликнула Катя, обнимая дрожащие плечи Жоры. «Он меня спас от смерти, а я даже не знаю, он это или она. Ему пуля, а мне только щепка в голову попала», – сквозь слёзы рассказывал мальчик. Катя осмотрела рану, протёрла её самогонкой и не стала забинтовывать: «Ничего страшного нет. До свадьбы заживёт. А вот с бинтами будет подозрительно. Пусть лучше так».

Трое суток Жора жил у Кати. Никто к ним не заходил, практически за это время Жора увидел на улице двух женщин-соседок и старика. Он уже собирался попрощаться с радушной хозяйкой и отправиться дальше, как на хутор нагрянули фашисты. Полицейские стали сгонять жителей в центр, где стояли пустые грузовики. Катя успела сказать Жоре, чтобы он бежал через огороды в камыши и пересидел там. Мальчик выскользнул в окно и ползком добрался до ручья. И опять камыши спасли его. Полицейские знали, что Катя живёт одна, и поэтому тщательно не искали никого в доме. Только на следующий день Жора осмелился вылезти из своего укрытия. Он слышал вчера шум, крики людей, плач женщин. Затем загудели машины, они уехали, и всё стихло. Жора вошел в дом, Кати там не было. Он пошел по улице к соседке. Плачущая старушка рассказала ему, что на улице остались четыре старушки и одноногий дед. Остальных увезли на станцию для отправки в Германию. Жора вернулся в дом, собрал кое-какие продукты и через огороды вернулся к протоке. Он опять шел по дороге, но теперь при появлении людей или машин сразу прятался в камыши.

Путешествие по Кубани

Через день он уже входил в станицу Старостеблиевскую. Широкая улица обсажена деревьями в два ряда. Жора шёл и озирался по сторонам, и вдруг его окликнули. «Ви! Ком!» – один из двух солдат на повозке пальцем показывал на него (позже он узнал, что это были румыны). Жора остановился, повозка подъехала к нему, и солдат, взяв Жорин мешок, стал рыться в нём, а затем вытащил оттуда главную ценность – осетровый балык. Мальчик пытался объяснить, что якобы идёт из Ейской тюрьмы (такую он себе придумал легенду), и изобразил пальцами решётку, но солдату это уже не надо было. «Гут! Гут!» – сказал он, отдавая опустевший мешок, и направился к повозке.

Сколько этот мальчик – небольшого роста, худой, как скелет, без документов – прошёл населённых пунктов, рискуя в любом из них быть арестованным или просто убитым, он не считал, но в конце концов прибыл в Краснодар. Здесь Жора узнал, что формируется поезд в Армавир. Отстоял очередь в кассе, купил билет и направился с группой стариков и женщин с детьми к поезду. На путях стояли пульмановские вагоны без крыш и лавок. Но как только люди устроились в вагоне, подошли немцы и выгнали всех. Люди толпой пошли к кассе, которая оказалась закрытой, и вся эта группа направилась вдоль железной дороги пешком к станции Васюринской. По пути на берегу водохранилища находилась бахча с гигантскими арбузами. Они были такие огромные, каких Жора в жизни никогда больше не видел. Стояла жара, и всем очень хотелось пить, поэтому получилась вынужденная остановка. Собрались продолжить путь лишь к обеду. Шли они довольно внушительной группой, а на дороге их обогнала немецкая бортовая, крытая брезентом машина, которая неожиданно остановилась. Из кабины вышел немец, молча открыл задний борт и подставил лестницу. Знаками он пригласил всех садиться. Бабы сначала испугались, но что делать, решились, и так набралась полная машина. Быстро, без остановок немец привёз людей до самого Усть-Лабинска. Перед въездом в город он, указывая на шлагбаум, объяснил, что дальше везти не может. Люди вышли, поблагодарили его, хотели заплатить, но денег немец не взял.

Так толпой они и вошли в город. Мост через Лабу был взорван. Кто-то стал пробираться по уцелевшим балкам и опорам, а остальные нашли человека с лодкой и за пятьдесят рублей стали переправляться по двое. Дело шло к вечеру, и на краю станицы Некрасовской они подошли к огромному стогу, метров тридцать или больше в длину, широкому и высокому. Вся группа решила заночевать в нём. Кое-как улеглись, и через пять минут весь стог храпел. Утром компания разделилась на несколько групп. Кто-то предлагал одну дорогу, кто-то другую, а Жора поднялся и молча пошел своим путём. Он побаивался такого большого количества людей. Слишком заметно для немцев, от которых всего можно ожидать. Но тут его догнал парень, спросил, куда идёт. Узнав, что в Армавир, решил идти с ним. Жора не возражал – вдвоём веселее.

Сейчас, по прошествии стольких лет, стоит подумать о том, какие резкие изменения происходили с людьми в то время. Вот дорогой идёт группа людей. Редко кто отрывисто что-то спросит или ответит так же коротко. И всё! Никто не пожалеет, не посочувствует. У всех беда! Этих людей немцы прогнали с родной, обжитой земли, они увидели смерть, и она каждую минуту летала над ними! И Жора, бездомный мальчишка, тоже всё это видел и был таким же, как они... Ни Жора у парня, ни парень у Жоры не спросили даже имени, а как хотелось бы сегодня встретиться с ним. Жив ли? Кем стал и где живёт? Но сколько таких безымянных попутчиков было на его пути – не сосчитать.

Весь следующий день они шли вдоль реки. Жора только запомнил, что на том берегу была большая белая скала, вся изрытая птичьими норами. Так они вышли на какой-то бугор. Рядом – глубокая балка, дорога, вдали едет немецкая машина, а по дороге человек скачет на

лошади. Тишина. И вдруг это безмолвие нарушает грохот взрыва: там, внизу, машину подбросило, и из неё повалил чёрный дым. В который раз приходится менять маршрут, но без сожаления. Всё-таки бьют немцев наши! Так попугчики за день прошли станицы Темиргоевскую, Новомихайловку, а там уже и до Андрее-Дмитриевской было совсем недалеко. Но происшествий и здесь не удалось избежать.

Вечерело, ребята, усталые, брели по дороге. Увидели, что на самом краю леса, недалеко, стоит танк, такой маленький, с открытыми люками. На переднем крыле лежит металлическая коробка и в ней несколько снарядов. Посмотрели и пошли дальше в поисках ночлега, а уже на краю станицы пристроились под навесом с сеном. Но поспать долго им не удалось. Через два часа оттуда, где стоял танк, послышались шум и разговор. Рядом с танком остановились два немца на мотоцикле. Пришлось подняться и идти к ближайшим холмам, от беды подальше, но, пройдя совсем немного, они слышали выстрелы, обернулись и увидели около танка убитых немцев. Танк был весь объят пламенем. Быстрым шагом ребята устремились подальше от этого места и вскоре были в Андрее-Дмитриевке. Кое-как переночевали на огородах и утром двинулись вперёд.

Армавир был уже совсем рядом. Недалеко от первого переезда они увидели на дороге старика с бричкой и попросили подвезти. Дед согласился, и ребята, уставшие от долгого пути, с удовольствием уселись в бричку. Не успели они проехать совсем немного, как из посадки вышел мужик в длинной шинели. По всему было видно, что это советский солдат или партизан. На груди у него висел автомат ППШ. Жора такой автомат видел в первый раз. Солдат велел загнать бричку в посадку и всем зайти туда же. Сам он остался на дороге. Не прошло и двух минут, как через переезд проехали две машины ЗИС-5 с накрытыми брезентом какими-то странными установками.

Конец пути

Они здесь, рядом! Свои, советские! От счастья сердце готово было выскочить из груди. Значительно позже Жора увидел такие машины и узнал, что это были знаменитые «Катюши». Что они делали в тылу немцев и как туда попали, неизвестно, но, возможно, их перегоняли, чтобы спрятать в лесу. Мужик с автоматом сел в последнюю машину и уехал, а путники продолжили свой путь. Армавир был уже на горизонте.

Жора вошел в город со стороны колодочной фабрики. Со своим безымянным попутчиком он расстался ещё около въезда в город. Тот пошёл своим путём, а Жора добрался до мебельной фабрики, вышел на улицу Энгельса и понял, что заблудился, ведь ему было всего три годика, когда умерли все родные, и начались его скитания по детским домам. Пришлось расспрашивать прохожих, где находятся стадион и парашютная вышка. Он устал и присел на камень у входа в какой-то дом. Сидит, жуёт кусочек вяленой рыбы – челбуха, думает, куда же идти, а тут из калитки выходит женщина. Вдруг она вскрикивает и бросается к Жоре: «Гарик! Гарик! Откуда ты здесь!» Это была Екатерина Михайловна Майорова, подруга мамы – Жорин добрый и одновременно злой гений. Это по её настоянию мальчишку определили в детдом из-за того что родная тётя Зина – верующая. Слеплённые революционными идеями люди совершали ошибки. Но ведь она хотела, как лучше. Екатерина Михайловна схватила Жору за руку, потащила во двор. Собрались соседи, и она всем объясняет, кто он, и что раньше он часто приходил в этот дом. А сама затопила печку, послала за тётей Зиной в детский садик, где та работала, сняла с Жоры всю одежду и бросила в печку, нарядила его в какой-то халат. Пришла тётя Зина, увидев племянника, сразу разрыдалась, а когда он рассказал, откуда шёл, она упала в обморок.

Всё это происходило в конце октября 1942 года, а вышел Жора из Гривенской в начале сентября. Выходит, он прошёл за это время более трёхсот километров. Было от чего тётя Зине потерять сознание.

Буханочки

События развивались стремительно. Немцы наводили в городе свой порядок, вывозили в Германию всё, что могли, в том числе людей. Даже кубанскую землю вывозили эшелонами. Но самым ужасным были систематические расстрелы, особенно евреев. За полгода оккупации Армавира с 8 августа 1942 года по 23 января 1943 года фашисты расстреляли 6680 жителей города, разрушили 1175 зданий. Тётя Зина в то время жила в квартире Жориных родителей, занимая три комнаты. Жоре нужна была одежда, и Екатерина Михайловна раздобыла где-то костюм, пальто, ботинки, шапку, и таким образом он оделся. Но когда мальчик в первый раз надел пальто, в боковом кармане обнаружил шестиконечную еврейскую звезду. Он понял, что все эти вещи сняты с евреев, убитых фашистами.

Однажды Жора шёл по городу, спускался с дороги по лестнице со стороны сквера. Впереди его, метрах в пяти, прогуливался молодой, щеголеватый офицер-эсэсовец. И вдруг мальчик обратил внимание, что немец передвинул кобуру пистолета на поясном ремне вперёд. Сообразив, что он готовится стрелять, Жора быстро стал переходить на другую сторону дороги, но, не дойдя и до середины её, услышал сухой щелчок. Оглянувшись, он увидел, как по откосу медленно сползает старик с бородкой-клинышком, а на лбу у него расплзается струйка крови. Эсэсовец, спокойно укладывая пистолет в кобуру, обходил несчастного старика. На улице никого не было, и никто не заставлял этого недочеловека убивать старика.

А однажды Жора сам оказался в критической ситуации, и только случай помог ему избежать судьбы того несчастного. Он шёл по улице, почти в том же месте. Мимо проезжала машина с открытым задним бортом. В кузове лежали мешки, один из которых развязался, и из него вывалились несколько буханок хлеба. Маленькие такие буханочки. И дёрнуло же мальчишку взять две штуки... Водитель увидел это, остановился, вышел из машины и, схватив Жору за руку, посадил в кабину и отвёз в полицию. А полиция находилась в том доме, в котором до войны размещался детский дом имени Семнадцатого партсъезда. Жора отлично знал это здание, ведь в нём он прожил до восьми лет. Поместили его в подвал, где уже сидели человек пять или шесть арестованных. В этом подвале раньше была столярная мастерская, и два окна выходили на безлюдную улицу. Жора хорошо помнил, что через одно из окон в подвал заносили станки, длинные доски, и поэтому рама окна вместе с решеткой была съёмная и держалась на четырёх стальных штырях. Мальчишка рассказал об этом товарищам по несчастью. Окно действительно висело только на штырях, и немцы, к счастью, не проверили его. Никто из арестованных не хотел испытывать на себе немецкое правосудие, и очень скоро Жора, оглядываясь, бежал по улице, огородами и пустырями, к себе домой. Скорее всего, немцы отправили бы его в лагерь, и неизвестно, выжил бы он там...

Наши

Ясное морозное утро 23 января 1943 года. Слышна не очень далёкая канонада. В городе спокойно, ни криков петухов, ни лая собак. Петухов всех уже съели, а собак поубивали немцы. Совершенно безлюдные улицы. Даже дым поднимается далеко не из всех труб. Но напряжение и ожидание последних недель как бы повисли в воздухе. И вдруг раздаётся женский крик: «Наши!» Его подхватывают сразу с нескольких сторон. Наши! Наши! Наши! Все выскочили на улицу. На развилке улиц Володарского и Карла Маркса стоит солдат, совсем молоденький, в ладном полушубке, в кубанке с красной лентой, с автоматом в руках – наверно, разведчик. К нему устремляются с разных концов улицы люди, много людей. И откуда только взялись? Толпа шумит, ликует: «Наши пришли!» А в это время по улице Энгельса уже шли машины, подводы – это партизаны. И вскорости на улицу Карла Маркса вышла группа солдат и офицеров. Люди окружили их, повели к стадиону. Там была парашютная вышка, а около неё немецкая машина-душегубка. В ней находились последние заключенные, которых немцы задушили, но не успели убрать, так быстро убежали. Солдаты увезли душегубку, а на стадионе установили зенитную батарею из четырёх орудий. Их закопали в землю по краям стадиона. Зенитчицы, молодые девушки, так быстро развернули свои орудия, что очень скоро смогли открыть огонь по самолёту-разведчику. Не сбили, так как он был далеко, но немец не зря прилетал. Рано утром раздались рёв и грохот, это два немецких самолёта сбросили бомбы на стадион. К счастью, там никого в тот момент не было. Но фашисты, кроме того, сбросили на город несколько сотен мин. Они были очень похожи на банки со сгущенным молоком. Стоило открыть такую банку или сильно ударить по ней, как она подпрыгивала на высоту около метра и взрывалась. От этих мин несколько ребятишек пострадали, а один мальчик лет шести погиб.

Город восстанавливался очень быстро. Особенно те предприятия, которые могли работать для фронта. Одним из этих предприятий был военный завод «Армалит». Тогда же, в 1943 году, Георгий поступил в ремесленное училище № 7 при заводе. Выпускали бомбы до ста килограммов весом, а впоследствии перешли на изготовление мин для миномётов нескольких калибров от 80 до 120 мм. Мальчишкам поручали править стальные стабилизаторы, которые имели большое значение для дальности и точности стрельбы. В ремесленном училище Жора освоил профессию инструментальщика, научился работать на токарном, фрезерном, строгальном станках. Изучил кузнечное дело, сварку. После ремесленного остался работать на заводе сначала станочником, а затем электросварщиком. Там же дали место в общежитии, и он жил тогда у тёти Зины, когда в общежитии.

Пришила

В заводском коллективе, в общежитии Георгий знакомился с разными людьми. Одни ему нравились, другие не очень. Встречались и такие, которых он отвергал категорически. Например, была такая группа, которая пропагандировала свободный образ жизни, – «Долой стыд». Ему это было непонятно и даже противно. Вместе с друзьями Георгий участвовал в художественной самодеятельности. Часто собирались у кого-нибудь дома. Девушки для серьёзных отношений выбирали себе парней, парни – девушек.

В один из таких дней молодёжь гуляла в доме подружки и, проиграв в какой-то игре, Георгий должен был залезть под кровать и кукарекать. Всем было весело, и он кукарекал хорошо. Но как ему стало стыдно, когда он вылез из-под кровати, весь в паутине, рубашка и брюки в пыли. Все смеялись над ним, а у хозяйки дома встречаться с ним после этого не было никаких шансов. Однажды Георгий с компанией гулял в городском саду. И надо же было случиться так, что между весёлой компанией и цветником оказался высокий забор. Перепрыгивая через этот забор с букетом, Георгий разорвал брюки. В тот день в с ними была девушка Мария, к которой Жора давно приглядывался, – нравилась она ему. Мария и предложила пойти к ней домой зашить брюки. «Пришила на всю жизнь», – шутила потом Машина подруга Рая. И верно – прожили Георгий и Мария 65 лет, четыре месяца и 18 дней. Вот такая арифметика!

Советский народ восстанавливал города, заводы, фабрики, везде нужны были рабочие руки. Георгий и Мария, решив принять участие в восстановлении города-курорта, завербовались в Сочи. Жора работал на заводе электросварщиком, а Маша – на стройке. Строили санатории, предприятия. Возводили жилые дома, целые микрорайоны. Прекрасный сочинский кинотеатр «Спутник» Жора строил со дня его закладки и до первого сеанса. Целиком из металла и стекла – он тогда поражал своими размерами, красотой, дизайном.

Условия для жизни в Сочи в то время были суровыми. Плохо с питанием, нет жилья. Семью разместили сначала в мужском общежитии, отделив часть комнаты простынями, а затем они получили комнату в бараке, бывшем до войны конюшней. Кухня общая на четырнадцать квартир, туалет на улице, но комнатка площадью всего девять метров тогда казалась роскошной.

В эту комнату в 1951 году и привезли из роддома маленького Володю, который через шестьдесят пять лет напишет эти строки.

Фамильная история

Фамилия Гакштетер – достаточно редкая. Всего сегодня в России носят эту фамилию около двадцати человек. Территориально предки этих людей жили на юге России, на Украине. Сейчас их больше в Сибири, но связано это с тем, что в период Великой Отечественной войны их родственников, как лиц немецкой национальности, переселяли в Сибирь и Среднюю Азию. Многие были осуждены и даже расстреляны. И это при том, что сто, двести и более лет поколения их рождались и жили в России, не знали немецкого языка и отличались от других только фамилией. А первое упоминание фамилии Гакштетер относится к 1535 году. Лудильщик, чех по национальности, Ратибор Гакштетер жил в селе Недвиговка (сейчас это город в Ростовской области). Другое упоминание встречается в летописях города Перемышль, где в 1745 году жил боярин Ян Гакштетер, который занимался торговлей. Вызывает интерес тот факт, что на карте Волгоградской области (в прошлом Царицынский уезд Саратовской губернии) в Николаевском районе с 1909 примерно до 1930 года существовал хутор Гакштетер. И только в период с 1930 по 1936 год это поселение переименовали.

Фамилию мне передал отец, Гакштетер Георгий Владимирович, и рассказ этот о нём, о небольшом, но героическом отрезке его жизни.

Утро в один из дней января 2016 года началось со звонка моей сестры: «Приезжай срочно! Папе очень плохо». Прошлым вечером я был у отца, он неважно себя чувствовал, пульс зашкаливал за сто десять, и болело сердце. Вызвали «Скорую», а пока ждали её, мы дали папе лекарство. Помогло, немного легче стало. Целый час скорой не было. «Сынок! Поезжай домой! Мне уже полегче», – сказал папа. Я поцеловал его, попрощался с сестрой и поехал домой. Утром, через полчаса после звонка сестры, я приехал к отцу. Он лежал на высоко взбитой подушке, надрывно дышал и смотрел в потолок. Взгляд его был спокойный, реакции на мой приход и на всё, что мы с сестрой пытались ему сказать, никакой не наблюдалось. Дальше – «Скорая», больница. Через несколько дней папы не стало. Ему было восемьдесят девять лет.

Прошли все горестные церемонии, поминки, девять, затем сорок дней. Мама моя умерла за два года до этого, сознанием своим я понимал, да и сейчас понимаю, что её нет, а сердце никак не принимает. Мама живая, и даже сейчас я не удивлюсь, если она позвонит. Она не может быть не живой. Так же и папа. Нет их, но мне кажется, что они всегда рядом. И когда я делаю что-то, пишу или работаю в саду, еду в маршрутке или хожу по городу, то у меня часто возникает такое ощущение, что вот-вот они позвонят, зайдут.

Это истинная правда!
Я теперь сирота. Нет моих стариков.
Лишь в альбоме лежат чёрно-белые фото,
Да мобильник, как прежде, ответить готов.
Но они не звонят, а я всё жду чего-то.
Как хочу я услышать их голос родной
И в ладонях согреть их шершавые руки.
Есть в судьбе человеческой изъязненной —
Навсегда провожать их земле на поруки.
Слёз давно уже нет, все поминки прошли,
Мы живём, как всегда, на планете усталой.
Где их дом, где пристанище души нашли?
Может, где-то летят они точечкой малой.
Всё ли сделали мы для своих стариков?
Где любви и заботы единая мера?

Я вернусь! Я доделаю! Я – готов!
Только поздно! В истории нет примера,
Чтоб отсрочили годы, и время – вспять,
Вперекор всем законам жестокой природы.
Так и буду всегда их во сне навещать,
Подарю виртуальное время и годы.
Я теперь сирота. Нет моих стариков.
Лишь в альбоме лежат чёрно-белые фото,
Да мобильник, как прежде, ответить готов,
Может, скажут они, может, скажут хоть что-то...

За год до этого дня папа дал мне большую толстую тетрадь, всю исписанную его рукой. Это были записки о его детстве, юношестве, и в день его рождения в 2015 году я подарил ему один-единственный экземпляр книги «Георгий, он же Жора, он же Гарик», изготовленный в сочинской типографии по моему макету. Лучшего подарка нельзя было и придумать. Отец читал свою книгу, по новой всё вспоминал, переживал, плакал. Я счастлив, что успел доставить эту радость отцу. А сколько ещё не сказано, и уже не будет сказано никогда. Можно написать повесть, роман, песню, что угодно, но теперь они не узнают этого.

Уходят поколения! Уходят ветераны. И как сегодня для нас важно каждое слово, сказанное ими о той жизни. Только там, на страницах нашей истории, мы можем почерпнуть Правду, только там найдём ответы на множество вопросов.

Короче! Я из Сочи

Повесть

Часть первая

Барак

Мы слышали о многих чудесах, существующих на Земле, но есть одно чудо, которое всегда рядом с нами. И это чудо – Любовь!

Предисловие

Вечереет. По темнеющим улицам куда-то торопятся прохожие. Одни возвращаются домой после работы, другие, напротив, только идут на службу. А город отдыхает после жаркого летнего дня. Включились фонари на столбах вдоль улиц и во дворах, но они не могут воспрепятствовать темноте, поглощающей город. Желтая мигалка на кабине поливалки, едущей по улице, сообщает прохожим, деревьям и кустам, что их сейчас польют. Окна в домах начинают свою вечернюю жизнь, и за каждым окном она особенная, ни на что не похожая и не сравнимая ни с чем. Где-то слышатся громкая музыка, смех, двигают стульями – торжество какое-то, наверно, юбилей. А там плачет младенец – надо уже спать, а он не хочет. Может, болит что?

Каждое окно – своя история, судьба, и ни один писатель вовек не сможет написать книгу обо всех этих историях и судьбах. Но можно написать книгу о любви, о настоящей и бесконечной любви, и эта книга расскажет о всех без исключения историях, судьбах, окнах, улицах, городах.

Ведь с любви начинается всё на этой Земле. Мы любим, и от этого рождаются наши дети, которых мы тоже безумно любим и которые больше всего на свете любят маму и папу. А ещё мы любим своих родителей, учителей, наставников. Мы любим свой дом, двор, улицу, город, Родину, в конце концов.

Любовь – это то, что дал нам Бог!

Почему мы так любим смотреть на лица маленьких детей, младенцев? Да потому, что их прекрасные глазки выражают только любовь, они любят маму и весь этот мир, в который недавно пришли. В этих глазках ещё нет хитрости, лукавства и тем более зависти или ненависти, которые нередко сжигают всё хорошее в нас, взрослых. Там, где Любовь, всегда мир, спокойствие и счастье!

«Копейка»

Новенькая белая «Копейка» с транзитными номерами мчалась по горной дороге. Не совсем правильно называть её «Копейка», потому что такое название этой серии дадут позднее, а сейчас она – Ваз-2101 1975 года выпуска, и три месяца всего как с конвейера. Временами она то ускоряла свой бег, то замедляла движение или вовсе останавливалась на какое-то время. Никто из машины не выходил и, постояв немного, она срывалась с места, мчалась во весь опор дальше. С первого взгляда видно, что за рулём – опытный водитель-профессионал.

Дело шло к вечеру, когда машина въехала в Туапсе. «Марина! Солнышко моё! Может, поедем в больницу, – обратился водитель к пассажирке, сидящей на переднем сиденье. – Зачем рисковать? Сейчас будет тяжёлая дорога, ты же знаешь. А вдруг прихватит, что я на дороге буду с тобой делать?» – «Нет, Серёжа! Мне уже хорошо. Давай домой поскорее. И купи бутылку минералки, во рту сушит», – ответила ему женщина.

Ещё сутки тому назад Сергей и Марина были дома, в Сочи. Утром Серёжа достал из почтового ящика извещение о том, что подошла их очередь на приобретение машины Ваз-2101,

которую необходимо в течение нескольких дней забрать со станции в Краснодаре. Не забереешь – когда ещё подойдёт очередь? Деньги давно собраны, всё готово, но есть существенная проблема. Дело в том, что Марина – жена Сергея, в положении, и пошёл уже девятый месяц. Ехать с ней в такую дорогу рискованно. Но Марина вдруг заупрямилась: «Мы с тобой столько лет деньги откладывали. Встретишь меня из роддома на машинке. Цветы купишь. Мне же до родов ещё полмесяца. Ну, Серёжа!» «Замечательно! – отвечает ей Сергей. – Значит, я сам еду в Краснодар, получаю машину, и сразу к тебе» – «Как это? Ты без меня будешь выбирать нашу машину, цвет, обивку салона? Нет! Нет! Я не согласна! – наехала на мужа возмущённая Марина. – Мы едем вдвоём. Туда на поезде – это совсем не опасно, а оттуда потихоньку и вырулим в Сочи. Дорогу мы знаем отлично, сколько с тобой поездили. Всё! По-другому не пойдёт!» А как спорить с любимой женщиной, да ещё когда в ней твой ребёночек?

В Краснодар Марина и Сергей приехали рано утром. К девяти часам они стояли в торговом отделе, а через час уже выбирали машину. Марине понравилась чисто белая машинка с серой обивкой салона. Сергей не спорил. Раз она здесь – пусть отведёт душу. Водителя обычно интересуется то, что под капотом, коробка, мосты, резина, а женщине ближе обивочка салона, сиденья, придамбасы разные, ручки на дверцах. Пока выехали из Туапсе, первые сорок-пятьдесят километров Марина ехала на переднем сиденье, но потом её немного уболтало, и она решила перебраться на заднее. Собрав все возможные мягкие тряпки, Сергей смастерил ей ложе и помчался дальше. Марина себя чувствовала хорошо.

Они поженились всего два года тому назад, но знакомы были с детства. С самого что ни на есть детства: родились и выросли в старом деревянном бараке в центре Сочи, в трёхстах метрах от парка «Ривьера». Их родители работали в строительной организации и до свадьбы жили в общежитии. Подарком от руководства на комсомольской свадьбе стали ключи от комнаты в бараке. Какое это было счастье, могут понять только те, кто жил тогда, сразу после войны, кто по самые уши нахлебался того горя, тех, казалось бы, неразрешимых проблем, трудностей.

Барак – это не слово, не только жилище, не самое лучшее в нашем, современном понимании.

Барак – это образ жизни, это начало её в полном смысле для Марины и Сергея, а также для многих других, кому довелось пожить там.

Вера

Лампочка под потолком то моргала, то вовсе гасла. Из кухни раздавался отборный мат тётки Шурки, которая в полутьме пыталась что-то готовить. По коридору, как всегда, носились мальчишки, проблемы родителей их совершенно не интересовали. Они играли в казаки-разбойники и разыскивали девчонок, чтобы «победить» их. Наконец свет погас совсем, и мат Шурки достиг наивысшей громкости и смысла. «Ну зачем так кричать», – попробовала урезонить соседку Соня из пятой квартиры. Но пытаться остановить Шурку в такой момент – всё равно что останавливать паровоз на полном ходу. «Заткнись, а то и тебе достанется», – орала уж совсем распоясавшаяся Шурка. Униженная и обиженная, кстати, в который уже раз, Соня со слезами на глазах пошла в свою комнату: «А при чём тут я? Вот грубиянка. И ходит же такая по земле. Чтоб тебя перекосило».

Услышавшая последние слова Шурка взбеленилась, как бочка с бензином от спички: «Ещё раз зайди на кухню, и посмотрим, кого перекосит!»

Лампочка под потолком вдруг сверкнула и загорелась ровным, без мигания светом. Вечерело, в барак потихоньку возвращались с работы жильцы. Усталые мужики, как всегда, выходили на лавочку покурить, поделиться новостями, обсудить проблемы, а если получится, и желательно пропустить сто граммов водочки или уважаемого тогда портвейна, конечно, втайне от жён. Женщины все, как одна, собрались на кухне. Им некогда курить и сидеть на лавочке.

Нужно готовить ужин, кормить мужиков, детей – у кого они есть... Но женские языки совершенно свободны, и поэтому на кухне идут свои разборки.

Не приходит на кухню в это время только Вера из десятой. Ей некого кормить, и смотреть на все эти хлопоты женщин она не может. До сорок третьего у неё была семья: муж Женя – красавец, весельчак и баянист, на которого с интересом и завистью поглядывали соседские бабы, дети Костик и Дуняша. Были живы и родители Веры. В мае сорок третьего, когда она была на работе, а работала она на заводе по двенадцать часов в сутки, во время бомбёжки снаряд прямым попаданием уничтожил дом Веры и всех, кто был там. А были там её папа, мама и двое детей. В одну секунду их не стало, даже хоронить нечего было. Когда Вера решилась подойти к тому месту, где стоял её дом, от всего ужаса увиденного она потеряла сознание и очнулась в госпитале только через неделю. Медики уже и не надеялись, что она придёт в себя.

Она выжила, но это уже была не та Вера. Теперь она жила и работала на заводе. Ночевала где придётся, то в каморке вахтёров, то в клубе, где таких, как она, было много. Больше всего Вера боялась получить письмо от Жени. На письмо надо отвечать, но как ему сказать про всё это. Но вместо письма через месяц ей пришла похоронка. Вера почти не плакала, она уже знала, что Бог отнимет у неё и Женю. За то необъятное довоенное счастье нужно было платить. И не одна она платила – все вокруг. Почему-то ей стало даже легче оттого, что Женя не узнал о гибели детей.

Работа! Одна работа была на уме у Веры. Она занимала время, отвлекала от разных мыслей. Работа и спасала её, потому что мысль была только одна – уйти из жизни. Уйти туда, где находится вся её семья, к ним. Но появилась и другая мысль – отомстить. И она мстила, работая сутками. Беря в руки очередную заготовку мины, Вера говорила про себя: «Это вам за Женю, это за Дуняшу, это за Костика.» В какие-то моменты она думала, что уже сходит с ума, представляя, как её мины разрывают тела фашистов, попадают в их танки, и танки горят, как огромные костры. Эти костры всё время стояли у неё перед глазами. Отвлекалась от станка она только чтобы перекусить, а когда уже было совсем невмочь, спала тут же, в цеху, несколько часов. И снова за работу.

Насколько хватило бы её сил, неизвестно, но война закончилась. Стали возвращаться к станкам мужики. Завод из военного перестроили на выпуск гражданских изделий, и Вера уволилась. Город возрождался из руин и пепелищ. Но когда она видела разрушенные бомбёжкой здания, в памяти немедленно возникал её дом. Искать родителей Жени для того чтобы рассказать им, что их любимых внуков больше нет, и Жени тоже нет. Вера знала, что ещё в начале войны деревеньку, где жили Женины родители, немцы сожгли вместе с жителями. Ехать туда, ещё на одно пепелище, она не могла, но и оставаться в родном городе для неё было невозможно. Случайно узнав, что можно завербоваться, решила ехать на юг – строить город Сочи. Это сегодня многие стремятся жить в современном городе-курорте, а тогда строящийся Сочи просто задыхался от отсутствия рабочей силы.

Кроме небольшого чемоданчика с вещами, Вера увозила в мешочке землю от своего дома – теперь самую большую ценность в её жизни. Она мечтала когда-то похоронить свою семью по-человечески, с могилкой на кладбище, чтобы было к кому прийти, рассказать, как ей живётся одной, без них, как она их любит, продолжает любить и будет любить всегда, всю свою жизнь. Документы, сгоревшие в доме, Вере помогли восстановить, но не осталось ни одной вещи, фотографии мужа, детей. Всё подчистую сгорело. Как будто и не жила вовсе. Вся прошлая жизнь осталась только в её памяти.

Приехав в Сочи, Вера в тот же день явилась в отдел кадров организации, куда её направили. Рабочих рук катастрофически не хватало, особенно специалистов, и в первую очередь – станочников. Женщина, работавшая в кадрах, приходу Веры очень обрадовалась, сразу предложила ей работу в механических мастерских и тут же оформила место в женском общежитии.

В комнате, где разместили Веру, проживали двенадцать человек. Но на тесноту никто не жаловался. После пережитой войны, личных трагедий люди стремились быть вместе. Веру не очень устроила должность в механическом цехе. Она хотела живой работы на стройке, чтобы видеть результаты своего труда. И после рабочей смены она стала ходить на курсы крановщиков. Эта профессия ей всегда нравилась. А сейчас Вера выбрала кран ещё потому, что там, на высоте, легче было спрятаться от людей, остаться один на один со своим горем – так она думала.

Через три месяца на стройке уже работала новая крановщица. Но остаться один на один с собой у неё не получилось. У крановщицы нет ни одной свободной минуты. Полегче, когда в работе первый этаж, а когда пойдут этажи повыше – тут уж только успевай поворачиваться. Всё у Веры ладилось, как всегда. Плохо работать она просто не умела и очень скоро стала передовиком производства. Её ставили в пример, на собраниях вручали благодарности. На одном из таких собраний Вера и увидела нового главного инженера. Говорили, что тот прибыл из Москвы. Красивый, статный мужчина сразу бросился ей в глаза. В нём угадывалось что-то, чего совсем не было в её Жене, может, особая интеллигентность, не показная, вычурная, а та, которая в генах, в крови и передаётся поколениями. Когда он вручал Вере очередную почетную грамоту, то сказал: «Вы отличный работник, но, оказывается, ещё и очень красивая женщина. Там, наверху, вас не разглядишь.» Но, как позже выяснилось, главный инженер приехал на юг с женой.

Через некоторое время Вера решила попробовать реализовать давнюю мечту похоронить свою семью в городе, который стал её новой родиной. Идея о получении места на сочинском кладбище сразу не понравилась тамошним сотрудникам. И здесь неожиданно помог райком партии, куда Вере посоветовали обратиться подруги. Место выделили, и, мало того, были организованы похороны по всем правилам. Теперь Вера каждый выходной покупала букетик цветов и шла к своим, долго разговаривала с ними, сидя на лавочке, которую помогли изготовить на работе. А вот в женском общежитии у Веры возникли проблемы. Дело в том, что в комнате с ней жили молодые и одинокие девушки. Естественно, что все разговоры после работы и в выходные дни были о молодых людях, свиданиях, нарядах. И странно, если б это было не так. Но Веру все эти разговоры чрезвычайно раздражали. Дошло до того, что она стала приходить в комнату как можно позже – только спать.

Как раз в это время сдавали после ремонта очередной барак для семейных. Вера пошла к директору СМУ, рассказала ему о своей проблеме, о прошлой жизни, о могилке на кладбище. И директор, Михаил Абкарович, подполковник, прошедший почти всю войну, не смог отказать. Он сам был тяжело ранен на фронте, лечился в одном из госпиталей Сочи, да так и остался в ставшем родным для него городе. Через несколько дней Вере, как ценному работнику, вручили ключи от комнаты. Барак предназначался для проживания семейных строителей с детьми, но для Веры сделали исключение. Теперь у неё была комната, с пропиской, адресом. Конечно, она первым делом заперлась и вдоволь наревелась, благо никто не мешал. Одно только, что перегородки барачные тонкие, всё слышно. Ночью у кого-то кровать скрипит, а остальные завидуют.

Нужно было обживаться на новом месте. К слову сказать, комната Веры всегда блистала чистотой. И если в остальных тринадцати комнатах барака через два года завелись клопы – бич того времени, то комнату Веры они избегали. По вечерам Вера готовила себе лёгкий ужин только после того, как почти все хозяйки разойдутся по комнатам кормить свои семьи. Кухню в бараке сделали очень большую. У каждой семьи – свой столик со шкафчиком для посуды и керогазом.

Очередной Новый год отмечали, как обычно. В клубе состоялось торжественное собрание, где подвели итоги прошедшего года и наградили победителей. После собрания было запланировано выступление участников художественной самодеятельности и танцы. Вера собралась

было уйти, как всегда, но подруги упростили её остаться: «Что же ты себя хоронишь? Твой муж тебя бы не одобрил. И от коллектива отрываться нехорошо. Потанцуем, а потом к тебе в гости». Девчата знали, что Вера прекрасно готовит. А на танцах к ней вдруг подошел Аркадий Борисович, так звали главного инженера. Бабий телеграф уже распространил новость о том, что главный полгода как свободен. Жёнушка не вынесла суровых строительных будней и уехала в Москву, где быстренько нашла себе любовника. Там их, тёпленьких, и застал Аркадий, внезапно приехавший в командировку.

«Здравствуйте, Вера! Разрешите вас пригласить», – галантно поклонился Аркадий Борисович. Вера танцевала со своим кавалером и замечала, как её подруги прячут глаза, с завистью украдкой поглядывая на них. А как же! Аркадий – завидный жених, и в этом деле между соперницами не бывает никакой дружбы. Засматривались на него с интересом многие женщины. А Аркадий не отпускал Веру от себя весь вечер, давая понять всем, кому это нужно, что свой выбор он уже сделал. Когда танцы закончились, он проводил Веру домой и сразу договорился на следующий вечер пойти с ней в Зелёный театр, который был, да и сейчас есть, в парке «Ривьера». Вера с радостью приняла приглашение, но только потому, что сто лет не была в театре. Она твёрдо решила не допускать сближения с Аркадием, хотя своим женским чутьём понимала, что мужчина влюблён...

Что бы ни решала Вера, как бы она ни упрямылась, но любовь – великая сила, и очень скоро они были вместе, а через год у них с Аркадием родилась дочка Мариночка. Марина стала великолепным лекарством от горестных воспоминаний Веры и не менее грустных мыслей Аркадия. Но это всё было в прошлом, а сейчас Мариночка уже сама готовилась стать мамой и ехала в новенькой машине из Краснодара в Сочи...

Хирург

Марина чувствовала себя хорошо почти всю дорогу до Лазаревской. В посёлке они остановились, зашли на рынок, купили немного еды и минералки для Марины. Отдохнула и машина. Теперь нужно было до темноты приехать домой. Марина устроилась на заднем сиденье, и машинка резво побежала по извилистой дороге вдоль побережья. Если до Лазаревской дорога была более или менее прямая, то теперь пошли сплошные повороты. Они не успели одолеть и половины пути, как Марина попросила Сергея остановиться. Она с трудом вышла из машины, походила, подышала свежим воздухом: «Серёжа! Я себя плохо чувствую, нужно побыстрее ехать. Боюсь, что начну рожать в машине. А может, я просто укачалась? Давай побыстрее». Теперь Сергей не просто быстро ехал, он гнал машину на самой большой скорости, как только мог. Но чем быстрее он ехал, тем сильнее машина раскачивалась на поворотах и тем хуже становилось Марине. Они уже были почти в Сочи, впереди остался Дагомыс, когда на одном из поворотов машина вдруг заглохла. Сергей, очень опытный водитель, в течение нескольких минут определил, что отказал бензонасос. Вечерело, и начинать ремонт было бессмысленно, тем более учитывая состояние Марины. А она уже чувствовала первые схватки, очень испугалась и стонала, лёжа на сиденье.

Приближалось неизбежное, и Сергей вышел на дорогу в надежде остановить машину. Но, как назло, на трассе никого не было. В такое время все водители стараются вернуться поскорее домой. Уже совсем стемнело, и Сергей приготовился принимать роды у жены прямо здесь, на дороге. Он снял рубашку, майку и отдал их Марине. Оба не знали, что им делать, и от этого становилось ещё страшнее. Но тут Сергей услышал звук двигателя. Он бросился на дорогу, практически прямо под колёса машине. «Какого. ты бросаешься под колёса! Жить надоело?» – заорал матом на Сергея водитель «Волги». «Слушай! Жена рожает. А у меня бензонасос гавкнулся. Ты один только можешь довезти в больницу», – закричал в ответ Сергей. «О, мужик!

Тебе повезло! – говоря это, водитель уже направлялся к Марине. – Я работаю там и еду на смену. Я хирург, и как раз сегодня моё дежурство».

Бегло осмотрев Марину, врач произнёс: «У нас времени не более десяти минут. Давай её осторожно на заднее сиденье, и не возись». Сергей перенёс Марину в «Волгу», и они тронулись. Минут через двадцать автомобиль въехал на территорию Дагомысской больницы. Марину положили на каталку и увезли. Сергей, голый по пояс, сидел в коридоре. Только сейчас он вспомнил, что в незапертой машине остались все вещи и документы. Даже ключи остались в замке зажигания. Подошла дежурная сестра, дала халат: «И как это Валентин Владимирович вас нашёл. Врач он хороший, поэтому не беспокойтесь за жену. Всё будет отлично». А ещё через десять минут Серёжа стал отцом. Сестра сообщила, что родился мальчик. Конечно, Сергей, как мужчина, хотел мальчика, но жене говорил, что ему как бы всё равно. А Марина первую хотела девочку – помощницу себе. Затем вышел Валентин Владимирович: «Тебя как зовут, путешественник?» – «Сергей. А тебя – Валентин?» – «И как же тебя занесло ездить в такое время? Повезло-то как нам всем. Ещё бы полчаса, и я не знаю, что могло бы быть. Но теперь порядок. Зайдёшь к жене?» – «Можно? Да?» – «Тебе можно, как исключение, на две минутки», – ответил хирург. Марина, бледная от перенесённого стресса, от дороги и, конечно, от родов лежала уже в палате. Серёжа подошёл, обнял жену: «Поздравляю тебя, моё солнышко. Как ты себя чувствуешь?» – «У меня всё в порядке», – ответила Марина. – Серёжа! Как зовут моего спасителя?» – «Его зовут Валентин», – проговорил Сергей, присаживаясь на краю кровати. – Валентин Владимирович. Отличный парень». – «Давай сыночка назовём, как его, – Валентином. Будет Валентин Сергеевич, – Марина умоляюще смотрела на мужа. – Ведь если бы не он, что было бы?» – «Здорово! Какая ты молодец у меня. Я ему сейчас же скажу», – Сергей ещё раз обнял, поцеловал Марину и вышел из палаты. Увидеть Валентина Владимировича не получилось – хирурга вызвали на операцию. Сергей, как был в халате, отправился на трассу, настало время побеспокоиться о машине. Ему повезло, от остановки отъезжал междугородный автобус. Водитель водителя понял сразу, и Сергей через пять минут уже ехал бесплатно к своей машинке. Автобус остановился как раз напротив автомобиля. Сергей вышел, поблагодарил водителя и направился к нему.

А там разворачивался свой спектакль. Рядом стоящий милицейский автобус освещал фарами Серёжин автомобиль. Двери, капот и багажник были открыты. Вокруг суетились оперативники, что-то искали, снимали отпечатки. У автобуса в окружении милиционеров стояли два шупленьких мужичка: «Начальник! Мы взяли только колесо. Ну там ещё инструментик был. Мы же всё вернули. А водителя мы не видели. Его, наверно, до нас кто-то. Ты же знаешь, мы на мокрое ни-ни.» – «Вот мы и проверим. Сколько раз я тебя, Сивый, предупреждал – попадёшься ты мне. Вот и попался. Пойдёте теперь за грабёж и убийство», – отвечал молодой лейтенант, очевидно, старший в группе. «Товарищ лейтенант! – обратился к милиционеру Сергей. – Я хозяин этой машины. Что здесь произошло? Кого убили?» Лейтенант не без сожаления взглянул на Сергея и крикнул: «Федотов! Дай там в вещдоках документы. Убитый явился».

Пока милиционеры искали документы, к Сергею подошёл один из подозреваемых: «Слушай! Откажись от заявления! Мы ж не убивали. Если что, приезжай, всегда помогу с машиной. Век не забуду!» – «Не забудешь! Ни за что не забудешь! Кража-то всё равно есть. А иначе из-за кого мы здесь два часа, как дураки, стояли, – отодвинув Сивого, произнёс лейтенант и, повернувшись к Сергею, сказал, – ну-ка, посмотрим на тебя». Он держал в руках документы на машину, права и паспорт Сергея. «И что же у тебя произошло?» – убедившись, что всё в порядке, произнёс милиционер. «Сын у меня здесь едва не родился. Хирург из больницы помог, отвёз, да и роды принял. Без него конец нам с женой был бы. Я под неё и рубашку, и майку подложил – вот они и в крови. А вы решили, что здесь убийство.» – объяснил Сергей. «Ну, предположим, ты не врешь, но проверить всё-таки надо. Федотов, звони в больницу, есть

ли у них Долеев, поступал в ближайшее время? Да не Долеев, а Долеева», – засмеявшись, сказал лейтенант. «Есть! Мальчика родила. Сказали, хирург чудом нашел их», – через пять минут крикнули из автобуса. «Твое счастье, что мальчика родил, а то я тебя бы в камеру.» – продолжая смеяться и отдавая Сергею все документы, сказал лейтенант. «Товарищ лейтенант! Я понимаю, что эти совершили преступление. Но у меня же сегодня сын родился, а я буду жалобы катать. У меня нет претензий к мужикам, если они вернут всё», – выпалил Сергей. «Жалеешь! – возмутился лейтенант. – А они тебя пожалели? Ну да ладно! Такой день у тебя. Слышали, мракобесы, – мигом всё на место положить и доложить! Дело на них я заведу всё равно». Милиция уехала, а Сергей, закрыв машину, спустился к морю. Постирал майку и рубашку, посидел на берегу и вернулся к машине. Теперь он расположился на заднем сиденье, там, где днём полусидела-полулежала Марина. Серёжа наконец расслабился, столько за день произошло: автомобиль купили, сына родили, обокрали машину, и вот теперь всё хорошо. Сын! Какое это счастье! Сергей мысленно уже раскладывал перед малышом гаечные ключи, отвёртки, но вдруг смешал внутри себя эти мечты... Нет! Его сын поступит в институт и станет инженером и, конечно, будет замечательным водителем. И он, Сергей, подарит ему новую машину.

Постепенно мысли Сергея переключились на прошлое. Как это всё начиналось, когда он сам был маленьким, как родители относились к нему. Представлял, как они с маленькой Мариной сидели рядом на горшках. Он, конечно, этого не мог помнить – очень мал был, но ведь это было. Как и то, что все мальчишки дружили и играли в основном с мальчишками, а Серёжа – только с Мариной. Сначала дети смеялись над ним, а затем привыкли. Любопытный Серёжа очень рано, ещё лет в двенадцать, обследовал и изучил свою подружку, а Марина – его. Удивительно, что они ничего не натворили до восемнадцати лет. Обошлось. Но их любовь возникла уже тогда. Серёжа никогда не относился к Марине, как к подружке или сестре. Она с самых малых лет была его любимой женщиной. И именно так он относился к ней всегда. Где, кто и когда мог внушить мальчишке такое отношение к женщине? Возможно, Сергей видел, как любят друг друга его мама и папа.

Он спал на заднем сиденье «копейки», и ему снился барак.

Соня

У барака была своя жизненная история. Дело в том, что раньше, ещё до войны, в этом помещении располагалась конюшня. Вокруг находились поля, сады, и кони в этих краях были единственным надёжным транспортом. Пришла война, всех коней, а с ними и коневодов, забрали на фронт, и конюшня опустела. После войны помещение приглянулось строителям, и его использовали под склад. Но однажды в СМУ произошел «бабий бунт». На приём в кабинет директора пришли женщины, работающие на стройках и имеющие детей, но не имеющие никакого жилья. Бабы пришли не одни, а каждая со своим выводком. Ситуация получилась критическая, и Михаил Абкарович сдался: «Дам я вам всем по комнате в бараке, но вы его в нерабочее время сами и отремонтируете. Материалы мои, а работа ваша. Идёт? Если да, то через неделю можете приступать». Такое решение вопроса всех устроило, и через пару месяцев старая конюшня превратилась в очень даже приличное по тем временам жильё. Стараниями директора бараку даже присвоили адрес: город Сочи, улица Ореховая, аллея номер семь.

И вот ровно первого мая 1946 года барак родился, а вернее, возродился, теперь уже как жилой дом. Новоселье праздновали сразу после Первомайской демонстрации прямо во дворе. Накрыли огромный стол, принесли всё, что только могли: посуду, продукты, вино. Пригласили и начальство, ведь это благодаря его инициативе всё произошло. И хотя ещё не все комнаты были заселены, и территория не приведена в порядок, праздник получился на славу. Пели и танцевали до полуночи, но и потом никто не хотел расходиться по домам.

После сдачи барака прошло уже более четырёх лет. Почти в каждой комнате родилось по ребёнку. А кое-где успели и по два. В комнате рядом с Веры живёт та самая еврейка Соня, которую почему-то ненавидит тётка Шурка. Кстати, в тот день, когда Шурка оскорбила Соню, женщины, собравшиеся вечером в кухне, здорово отбрили её за злобный язык и предупредили, что выгонят из барака, а то и с работы потребуют уволить. Шурка в тот же вечер ходила к Соне мириться. Обиженная Соня поершилась немного, но всё закончилось, как всегда, обоюдными слезами, а затем и «по рюмочке». Мир был восстановлен!

Соня четыре года жила в бараке с двумя детьми. Её муж Миша как ушел на фронт в сорок четвёртом, так и ни одного письма или другой весточки от него не было. А год тому назад друг Миши, ехавший вместе с ним на фронт, вернулся домой и, увидев Соню, рассказал ей, что Миша и до фронта не доехал. Их эшелон разбомбили, Миша был ранен, и последний раз друг видел, как его уложили на носилки и увезли в госпиталь. Что стало с ним, друг не знал, но у Сони появилась надежда на то, что Миша жив, а значит, нужно искать его. Соня сделала запрос в военкомат и узнала, что действительно в госпиталь под Воронежем был доставлен раненый Михаил Зейдель, и он не умер, но ему ампутировали ноги. Нужно было ехать в Воронеж, но как оставить двоих детей, на кого? Помощь пришла совсем с неожиданной стороны. Шурка, злобная баба, не дающая спуска никому, узнав в подробностях жизни Сони, о её Мише, вдруг предложила свою помощь. «Да ты не сомневайся, не ругнись при детях твоих ни разу. Я люблю детей, но вот сколько уже мне лет, а своих не завела. Не с кем! А ты поезжай, вези своего Мишу. Даст Бог, встретитесь!» – чуть ли не со слезами на глазах просила её Шурка. И Соня поехала. Поездом до Воронежа двое суток – и там.

Отпустили Соню на работе всего на несколько дней. И вот проходят третьи сутки, а результата нет. Соня побывала в госпитале и даже видела людей, которые помнили Мишу Зейделя. Теперь она точно знала, что её муж жив, но передвигается на маленькой тележке, которая заменила ему ноги. Но где Миша живёт, адрес или хотя бы населённый пункт, Соня так и не узнала. С горестными мыслями, поникшая, она возвращалась домой. На пороге её встретила Шура с девочкой на руках. Рядом стоял, прижимаясь к Шуркиному платью, сынишка Борик. Дети обрадовались маминому возвращению, но и Шуру от себя не особенно хотели отпускать. «Мама! А нам с тётей Сулой весело было. А можно тётя Сула будет жить с нами? Мы её теперь очень любим», – ворковала маленькая Лиза. Но самым неожиданным для Сони было то, с чем её встретила Шура: «У нас тут во всём порядок, ты, Сонечка, не волнуйся. А тебе письмо пришло. Из того самого Воронежа. Ты туда, а письмо сюда. Рядом где-то вы с ним разминулись».

На душе у Сони и похолодело, и потеплело одновременно. Может, подсказка какая в письме о живом Мише, а может, добрые люди знают, где могилка его. Писала письмо незнакомая женщина: «Здравствуйте, Соня! Уже год ваш муж Миша Зейдель живёт у меня в постояльцах. Хороший мужик. Ноги ему отрезали под самые колени, вот он домой и не едет. Уговаривала я его, но не хочет жизнь вашу молодую портить. Говорит, жена у меня красивая очень. И гордый, злится, если жалеть кто начинает. Но человек он порядочный. Тут пьяницы местные к нему зачастили. Думала, запьёт мужик, а он выпил с ними пару раз и нагнал всех. Работает бухгалтером у нас на кирпичном. Уважают его. Вы, Соня, если жизнь ваша по-другому идёт, то порвите это письмо. Я вас попробую понять и мужу вашему ничего не буду говорить. Многие бабы на него здесь поглядывают, но он ни с кем не хочет. Может, пристроится со временем. Но если нужен он, приезжайте. Грех в чужих вещах копать, а не могу смотреть, как мужик убивается. Вижу у него фотография из Сочи, да и сам говорил мне, что он из Сочи. Высылаю письмо на военкомат, может, добрые люди помогут. Адрес мой: г. Воронеж, деревня Николаевка, Ефимцева Ульяна Никитична».

Который раз Соня перечитывает письмо, слезы застилают глаза, мешают читать, комок в горле не даёт говорить. «Ну говори же! Вижу, что жив! Да что же это, Соня, с тобой, как окаменела, – тормошила Соню Шура. – Ах Боже ж ты мой, что с ней творится. Не похоронка же!»

Шура побежала на кухню за водой. «Мама! Мама! Это папка письмо прислал? Скоро приедет? А сколько у него орденов и медалей?» – без умолку щебетали дети. Соня залпом выпила стакан воды, поперхнулась так, что перестала дышать, и только через две-три минуты открыла глаза, посмотрела вокруг. Рядом Шура и дети, в дверях бабы соседские. «Миша! Миша мой нашелся!» – смогла только и выговорить она и вдруг зарыдала, заголосила по-бабьи громко, безутешно. За ней заплакала Лиза, и Борик стал крутить головой и хлюпать носом. «А вы что тут пол мочите? – нарочито грубо прикрикнула на них Шура. – У них папка нашелся, а они ревут!»

Шурка

Тётка Шурка, как её называли в бараке за её вредный, буйный характер, была совсем ещё не старая женщина. Всего-то тридцать два года. Сама сочинка, Шура с первых дней войны работала в военном госпитале. Много крови увидела, ухаживала за ранеными, как за родными. Можно сказать, каждому отдавала частичку себя, каждому находила место в своём сердце. Многие солдатики выздоравливающие и поухаживать стремились. Принимала ухаживания. Жалела их. Опять туда, под пули пойдут. Адресочек многим давала, а потом мечтала по ночам, соплями в подушку, как он явится к ней после войны живой и здоровый. Никто не приехал, не написал... И ожесточилась совсем ещё молодая баба. Перед мужиками, которых ой сколько побили на войне, молоденькие свиристелки хвостами крутят. Куда ей с ними тягаться. Так и забралась в душу мысль, что всё уже прошло. Кончилось пианино, на котором Шура замечательно играла до войны. Пела-то как! В конкурсах побеждала. Но уже сколько лет никто не слышит её голос.

А в бараке опять с электричеством проблемы возникли. То мелькает свет, то отключится совсем. Тётка Шурка, как обычно, на кухне всеми цветами радуги посылала и само электричество, и всех электриков, и, разумеется, начальство – от него все беды. И надо же, как раз в этот момент в барак пришёл новый электрик. Вся Шуркина энергия, все её изыски словесные нашли новое применение, обрели своего несчастного слушателя. Оторопевший Коля, так звали электрика, поначалу пытался хотя бы понять, о чём говорила эта женщина. Но очень скоро его смущение сменилось подлинным восхищением. Коля молчал и глаз не отводил от Шуры. Всю жизнь он мечтал и восхищался сильными женщинами. Видел их на фронте, где воевал связистом. Почти до Берлина дошёл, но по ранению демобилизовался. В комнате Коли на стене висели вырезки из журналов: женщины-герои – лётчицы, санитарки, спасающие на поле боя раненых. Именно о такой спутнице для себя и мечтал Николай. Бойкая, злая на язык, но ведь по делу, Шура очень ему понравилась. Первая встреча, знакомство не получились. Коля спросил: «А как вас зовут?» И получил в ответ ещё более бурную реакцию Шурки: «Что, жаловаться пойдёшь, электрик хренов? Ты лучше бы свет сделал, чем со мной здесь разговаривать. Ишь нашёлся жалобщик!» Пришлось Коле ретироваться. Но обиды в его душе не было, оставалось только восхищение этой женщиной. Если те красавицы, портреты которых висели у него на стене, были далеко и совсем недоступны, то Шура находилась здесь, рядом, и обладала такими же качествами сильной женщины.

На следующий день Коля, заранее узнав, как зовут Шуру, пришёл в барак. Вид у него был деловой. Шура, увидев электрика с мотком провода и инструментами, не стала, как обычно, кричать, а мирно поздоровалась и даже попросила прощения за то, что вчера накинулась на незнакомого человека. «Меня зовут Александра, можно просто Шура, а вас?» Коля увидел совсем другую женщину, очень даже симпатичную и достаточно скромную. «Да вот хочу подготовить список материалов и заняться ремонтом проводки. Зовут меня Николай, и с сегодняшнего дня я ваш электрик», – не очень решительно, как бы проверяя ситуацию, сказал Коля. «Ну вы поработайте, а через часок я вас борщом угощу. Не теряйтесь», – ответила Шура

и ни с того, ни с сего вдруг смутилась. Такой Коля её никак не ожидал увидеть, и она с каждой минутой нравилась ему всё больше и больше. Он, как валенок, продолжал стоять в дверях кухни. Тут к Шурке вернулся её исчезнувший вдруг боевой дух, и она произнесла строго: «Так и будем стоять, вместо того чтобы работать?» – «Да! Да! Да! Иду», – только и сказал в ответ Коля.

Оказывается, её зовут вовсе не Шурка, а Александра! Это имя теперь победно звенело в ушах, в мозгу Коли. Всю жизнь в душе фантазёр-беспредельщик, Коля, пока осматривал электрощитки, розетки, выключатели, успел в своих фантазиях обнять, поцеловать и даже жениться на Александре. Работа была уже почти закончена, когда Шура из кухни, душевно-мягким голосом позвала: «Николай! Идите обедать». И опять дурацкая его фантазия вдруг задала Коле вопрос: «Почему это моя жена меня на вы называет?» С такой придурью в голове он и вошёл на кухню. Шура, она же Александра, в мыслях оказалась такой же мечтательницей, как и Николай: «Скромный, почти интеллигентный. Этот не схватит сразу за грудки и не потащит в свою комнату. А я с ним и не против была бы. Хороший мужик. Э-эх!» Так они бы и стояли посреди кухни, каждый со своими глупыми мыслями, если б не запах борща. У Коли от этого запаха мысли о любви сразу перестроились на мысли об обеде. Шура, уже давно не бывавшая в роли хозяйки, суежилась и старалась изо всех сил. И это ей удалось. Обед закончился тем, что Николай спросил, чем она занята сегодня вечером, и предложил пойти погулять. Надо ли говорить, что предложение с восторгом было принято.

Весь следующий день в бараке только и разговоров было, что о новом электрике и Шуре. А она, которая теперь принципиально отзывалась исключительно на имя Александра, преобразилась. Вместо затёртой, стоящей от грязи юбки и аналогичной мужской рубашки Александра надела роскошный довоенный атласный халат, в котором расхаживала, как королева. Колю бабы отныне называли не иначе как «зятёк», чем тот был вполне удовлетворён. И свет в бараке теперь не моргал.

Время – самый лучший лекарь во все времена – наградило Александру и Николая за их любовь и преданность сыном Сергеем. Да! Именно тем Сергеем, который теперь спал в своей машине, замёрз без одежды, но не мог проснуться, очнуться от воспоминаний детства.

Как только солнышко осветило всё вокруг, в том числе и машину, Сергей, едва ли не покрытый инеем от холода, выпрыгнул из автомобиля и, чтобы хоть чуть-чуть согреться, начал бегать вокруг него. Выдыхая, как паровоз, клубы пара, он выкрикивал, подбадривая себя: «Сын! Валентин Сергеевич! Маринка! А я – отец! – И снова, – сын! Валентин Сергеевич! Маринка! А я – отец!»

Согревшись таким образом, Сергей приступил к ремонту. Снять бензонасос, почистить его, продуть и поставить на место было для него просто смешно, и через полчаса машинка уже урчала, прогреваясь, довольная, что и до неё дошло дело. А ещё через полчаса она уже разворачивалась на площадке около больницы. Сергей, в помятой рубашке, непричёсанный, как бобик, но улыбающийся, как пряник, вошел в коридор больницы. «Вы к кому? – остановила его медсестра. – Можно было одеться нормально! Вы же в больницу пришли, а не на базар». – «К Долевой», – брякнул невозмутимо Сергей. Сегодня его обидеть было невозможно. И одно только слегка расстраивало его – то, что уже прошла половина суток, как у него родился сын, а он, отец, ещё и рюмочку не пропустил. Да ладно! Всё впереди. «Разрешите мне позвонить родителям. Ведь не знают, что мы родили сына», – попросил медсестру Сергей. «Так это вас Валентин Владимирович спас, а я набросилась. Звоните, конечно», – ответила смутившаяся женщина. Сергей позвонил родителям, своим и Марины, коротко сообщил новости и пообещал, что скоро приедет. Он торопился к Марине. Как она там, как сынок?

Марина лежала в палате и, конечно, ждала мужа. Она волновалась. Как он там, что с машиной? Сергей вошёл в палату, обнял, поцеловал жену. На все вопросы сразу же нашлись ответы. Сын в порядке – растёт. Машина стоит под окном. Они сидели на кровати, обнявшись,

и согревали друг друга. Марина ощупывала Сергея – как-никак ночь без неё провёл. Сергей ощупывал Марину – вчера была с животиком, а сегодня на несколько килограммов похудела, за одну-то ночь. «А помнишь, как ты из горшка вылил в печку? Какой аромат стоял два дня в комнате, – сказала Марина. – Хорошо, что у нас печки нет. Сынок ведь твой, с тебя будет пример братъ». – «А ты ему не рассказывай, а то я расскажу, как ты цветочки надёргала и в кастрюлю с супом высыпала. Маме помогла. Хороший суп был?» – в тон ей ответил Сергей. «А помнишь? А помнишь?» Они долго сидели так и сидели бы ещё, но пришло время покормить наследника, и Сергея выставили в коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.